

RU

Отражение политической культуры социал-демократов Сибирского союза в литературе 1960-1980-х гг.

Исачкин С. П.

Аннотация. Цель исследования – обобщить опыт изучения в литературе 1960-1980-х гг. политической культуры представителей Сибирского союза Российской социал-демократической рабочей партии. Научная новизна исследования заключается в проведенном впервые историографическом анализе данной темы. В работе раскрываются условия, тенденции и проблемы развития советской историографии социал-демократических организаций региона кануна и периода Первой российской революции. В результате проведенного исследования установлено, что при значительном укреплении в рассматриваемые годы источниковой базы, кадрового потенциала, координационных центров историко-партийной науки ее методологические основы оставались прежними. Поэтому появление концептуально новых трудов было невозможно.

EN

Representation of Political Culture of the Siberian Social Democrats in the Soviet Literature of the 1960-1980s

Isachkin S. P.

Abstract. The article presents a survey of the Soviet literature of the 1960-1980s on political culture of representatives of the Siberian branch of the Russian Social Democratic Labour Party. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time provides a historiographical analysis of the problem. The paper reveals conditions, tendencies and problems of developing the Soviet historiography of regional social democratic organizations in the period before and during the First Russian Revolution. The conducted research allows concluding that in the mentioned period, the source base of the historical and political science was considerably enlarged, the number of scientific staff increased, new coordination centres appeared, but methodological basis remained the same, so conceptually new studies could hardly appear.

Введение

Политическая культура играет важную роль в разностороннем процессе общественного развития. От ее состояния во многом зависят взаимоотношения социальных слоев населения, выбор форм и методов общественно-политических преобразований, конструктивность межпартийной конкуренции, а значит – стабильное существование страны. В этой связи обращение к опыту изучения различных аспектов политической культуры представляется достаточно актуальным для современных ученых, политиков, общественных и государственных деятелей.

Политическая культура является достаточно сложным элементом общественной жизни. Применительно к партийным организациям она включает мировоззренческие позиции, идейно-политическую ориентацию, организационные принципы, внутривнутрипартийные и межпартийные отношения. С учетом этого определялись цель и задачи данной статьи. Таким образом, достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих задач: 1) выявить условия и основные тенденции развития историографии Сибирского союза РСДРП в 1960-1980-х гг.; 2) проанализировать проблематику политической культуры социал-демократов региона на завершающем этапе советской историографии.

Теоретическую базу работы составляют исследования В. С. Житенева, Ю. С. Пивоварова, В. А. Тихоновой, Г. Л. Тульчинского, раскрывающие методологические, социально-философские, политологические, общенаучные аспекты политической культуры [12; 34; 35; 44; 48]. Особую ценность в процессе создания статьи

представляла монография А. А. Штырбула, в которой политическая культура рассмотрена как опыт сибирской многопартийности [55]. Важное значение имели также труды Н. В. Блинова, Л. М. Горюшкина, М. В. Шиловского, освещающие историографические проблемы рабочего и социал-демократического движения за Уралом накануне и в период Первой российской революции [3; 9; 53].

Методология исследования основана на сочетании формационного и цивилизационного подходов. Если первый из них наиболее эффективен при изучении классов, партий, общественных движений, то второй – личностей, ментальностей, культур. В рамках формационного подхода использовались историко-типологический, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, позволившие проанализировать состояние конкретных организаций Сибирского союза РСДРП, выявить их общие и особенные черты, проследить эволюцию их изучения в разные годы. В рамках цивилизационного подхода применялись культурологический, социально-психологический и антропологический методы, с помощью которых исследовались проблема идейно-политической ориентации местных социал-демократов, историография внутрипартийных и межпартийных отношений.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать его результаты в научной, учебно-методической, культурно-просветительной и общественно-политической деятельности.

Условия и тенденции развития темы в историографии 60-80-х гг. XX в.

Переломным событием в жизни советского общества стал XX съезд Коммунистической партии, состоявшийся в 1956 г. В ходе его работы были предложены меры по преодолению культа личности И. В. Сталина и определены пути дальнейшего укрепления социализма и строительства коммунизма на подлинно ленинских принципах. Естественно, это событие ознаменовало начало нового этапа отечественной историографии, прежде всего в области историко-партийной науки. Однако в силу консервативности кадрового состава историков и низкой производительности издательств литература, соответствующая новым веяниям, стала массово появляться только в 1960-е гг. Особенно это ощущалось на местах, в том числе в Сибири.

Принципиально новое понимание функций истории партии как науки было сформулировано в 1966 г. в отчетном докладе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXIII съезду. В нем указывалось, что общественные науки имеют не только пропагандистское значение. В документах съезда обращалось внимание на необходимость добиться соответствия достижений исторических дисциплин требованиям практической жизни [28, с. 86]. Вместе с тем это не означало ослабления диктата идеологических органов КПСС в научной и общественной жизни. Наоборот, ставилась задача преодоления в исторической литературе «некоторых отклонений волюнтаристского характера», проявившихся в начале 1960-х гг. [36]. В результате в 70-х – первой половине 80-х гг. XX в. происходило последовательное усиление партийного контроля в теории и практике общественного развития. В такой ситуации концептуальная база истории КПСС оставалась в своей основе прежней. В особой мере это относилось к изучению революций, в том числе к Первой российской 1905-1907 гг. В частности, на официальном уровне были исправлены ошибочные представления об утрате пролетариатом своей политической гегемонии в период отступления революции, а также об отсутствии предпосылок союза рабочего класса со средним крестьянством в начале XX в. [50, с. 91, 92]. Продолжалось начатое на предыдущих этапах историографии овладение ленинской концепцией Первой революции в России. При этом много внимания уделялось раскрытию положений В. И. Ленина о трех политических лагерях, многообразии форм и методов осуществления гегемонии пролетариата, тактике «левого блока» большевиков [7, с. 238]. Знаменательным событием для историков партии явился выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина, вобравшего в 55 томах около 9 000 произведений и документов. Некоторые из них стали фундаментальным вкладом в разработку проблем кануна и периода Первой российской революции. Важную роль в ее освещении сыграли две первые книги шеститомного издания «История Коммунистической партии Советского Союза», которые органично сочетали теоретическое обоснование стратегии и тактики большевиков с показом их практической деятельности. При этом книги отражали борьбу ленинской партии против самодержавия не только в центре России, но и на ее окраинах, в том числе в Сибири [17, с. 234, 288, 419; 18, с. 20, 21, 159].

Об идейном значении данной проблематики можно судить по постановлению Центрального Комитета КПСС «О 80-летию революции 1905-1907 годов в России», в котором отмечалось: «Полученный в ходе Первой российской революции опыт сражений с эксплуататорами за свободу и демократию существенно обогатил теорию и практику классовой борьбы, помог народу свергнуть в феврале 1917 г. ненавистный царизм, а в октябре – уничтожить господство буржуазии. Этот опыт и поныне сохраняет непреходящее значение для народов, выступающих за социальное и национальное освобождение, социализм и мир» [29, с. 4].

В рассматриваемое время продолжалось укрепление материальной базы исторической науки. Уже в начале 60-х гг. XX в. Советом Министров Союза Советских Социалистических Республик был издан ряд постановлений, направленных на улучшение функционирования системы архивов страны. В свою очередь, Центральный Комитет КПСС рекомендовал Институту марксизма-ленинизма принять меры по более качественному использованию имеющихся архивных фондов [30, с. 70, 74]. Все это привело к расширению контактов между исследователями конкретной истории и источникововедами. Главное архивное управление стало оказывать значительно большее влияние на развитие советской исторической науки. В результате существенных перемен в организации источниковедческой работы уже к началу 1980-х гг. было опубликовано более

700 сборников документов, включающих материал по историко-партийной проблематике [42, с. 113]. Часть из них посвящалась вопросам классовой борьбы накануне и в период Первой российской революции как в масштабе всей страны, так и в Сибирском регионе [39; 40; 49]. В целом потенциал источниковой базы на местах в 1960-1980-е гг. значительно возрос.

Важное внимание в данное время уделялось подготовке высококвалифицированных кадров общественных наук. Еще в декабре 1962 г. по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР было создано Всесоюзное совещание по вопросу о мерах улучшения научно-педагогического состава историков, на котором работала секция истории партии. За время своего существования Академия наук СССР и Институт марксизма-ленинизма стали главными центрами подготовки специалистов по общественным наукам. Начали функционировать подобные центры и на местах. В Сибири ими стали высшие учебные заведения Новосибирска, Томска, Иркутска. Если в 1950-х гг. в вузах региона было совсем незначительное число преподавателей истории КПСС с ученой степенью, то к началу 1980-х гг. среди них уже насчитывалось 20 докторов и сотни кандидатов наук. Только в совете Томского государственного университета за этот срок было защищено 220 кандидатских диссертаций по истории КПСС [54, с. 216, 217]. Следует отметить, что в рассматриваемое время такое количество успешных защит считалось серьезным достижением, так как от соискателей требовалась не только идеологическая выдержанность, но и высокий научный уровень их работ.

Характерной чертой завершающего этапа советской историографии являлась координация исследовательской работы ученых. В 1960 г. при Институте марксизма-ленинизма был создан специальный отдел для осуществления руководства развитием историко-партийной науки. Несколько позднее были образованы другие координационные органы, выполнявшие подобную задачу как в масштабе страны, так и в союзных республиках, крупных региональных центрах.

В России заметная роль в этом процессе принадлежала Проблемному совету по теме «В. И. Ленин и местные партийные организации», созданному в 1969 г. Уже во второй половине 70-х гг. XX в. он объединял под своим руководством более 200 ученых из 60 городов республики [26, с. 150, 151]. Большое внимание Совет уделял проведению научных конференций и симпозиумов по проблемам российского революционного движения. В основном на их материалах была издана целая серия сборников статей. Следует подчеркнуть, что наряду с другими публикациями данных изданий положительные отзывы в печати получили работы таких сибирских историков, как А. Т. Коняев, Б. В. Кондриков, Н. И. Кабацкий [41, с. 147, 166, 173]. Это прежде всего свидетельствовало о достижении уровня научных исследований в регионе общесоюзных параметров. Солидно выглядели и чисто количественные показатели. Согласно подсчетам Л. М. Горюшкина, общий список публикаций только по теме революции 1905-1907 гг. в Сибири составил к 1986 г. примерно 350 наименований [8, с. 15].

Резкое увеличение объема научной литературы стало следствием существенного расширения проблематики исследований и их географических рамок по сравнению с предшествующими этапами советской историографии. Однако это привело не только к положительным, но и к отрицательным последствиям, так как произошло дробление проблем и сужение тем историко-партийной литературы. Достаточно сказать, что в 1960-1980-х гг. вышло всего две монографии, посвященные деятельности сибирских организаций РСДРП периода Первой российской революции, причем промежуток времени между их изданиями составил четверть столетия [19; 43].

На завершающем этапе советской историографии обыденным явлением стало рецензирование опубликованных трудов. В 1980-х гг. в этот процесс были включены практически все значимые издания: монографии, мемуары, сборники статей, документов, материалов всесоюзных, республиканских, региональных конференций и т.д.

Однако данные усилия по совершенствованию исследовательского процесса в центре и на местах не могли привести к появлению качественно новых трудов в историко-партийной науке, необходимость создания которых стала остро ощущаться в эпоху перестройки. Так, в апреле 1987 г. на совещании ученых-обществоведов в Москве прозвучал призыв «посмотреть еще раз внимательнейшим образом на некоторые периоды истории партии для их детальной документальной проработки». На совещании обращалось внимание на отрицательные последствия «безоговорочного принятия на веру оценок, расходящихся с очевидными фактами, обезличивания истории, использования второстепенных по своей научной значимости источников, слабой разработки дискуссионных проблем» [37]. Вместе с тем выполнение этих задач требовало значительного расширения методологической базы общественных наук, выходящей за рамки марксистско-ленинской теории, что невозможно без смены официальной идеологии, а это объективно вело к потере государственности, что и произошло с Советским Союзом в конце XX в.

Развитие проблематики темы на завершающем этапе советской историографии

В советское время словосочетание «политическая культура» практически не употреблялось, так как в марксистско-ленинском наследии его попросту не существовало, а вся иная терминология автоматически причислялась к измышлениям буржуазных наук. Вместе с тем в условиях постоянного идеологического противоборства изучение различных аспектов политической культуры имело приоритетное значение и находилось под контролем властных структур. Анализ и пропаганда идейно-политических позиций КПСС, большевиков являлись первостепенной задачей ученых на всех этапах советской историографии. Для этого всегда находились серьезные доводы, продиктованные внутренними и внешними причинами. Так, нарушения ленинских норм

партийной жизни в период культа личности и необходимость их преодоления подвигли исследователей заняться изучением опыта партийного строительства в центре и на местах. В свою очередь, провозглашенный СССР в первой половине 1960-х гг. принцип мирного сосуществования стран с различными общественно-политическими системами способствовал изучению взаимоотношений большевиков с представителями непролетарских партий и движений. Все эти вопросы в той или иной степени были освещены в работах 60-80-х гг. XX в.

Важным объектом изучения истории большевизма был Сибирский союз РСДРП, действовавший в 1901-1907 гг. и проявивший себя в ходе вооруженных восстаний в Чите и Красноярске в период Первой российской революции. В этих городах были созданы Советы, власть которых удалось подавить только в результате специальных карательных экспедиций. В данное время за Уралом находились многие видные представители ленинской партии. Разумеется, игнорировать эти факты истории не могли. В первую очередь их интересовало идейное воздействие соратников В. И. Ленина на развитие революционного движения в регионе. Поэтому проблема идейно-политической ориентации социал-демократов Сибири стала одной из главных.

На завершающем этапе советской историографии особое внимание ученых было уделено руководящему органу Сибирского союза РСДРП. Его прежняя характеристика как организации чисто меньшевистской и неспособной к решительной борьбе с самодержавием в период наивысшего подъема революции стала подвергаться сомнению. Так, например, М. В. Иванова при анализе трех номеров газеты «Сибирский социал-демократический листок», изданных союзным комитетом, пришла к заключению, что первый и третий имели большевистскую направленность, а во втором переплетались большевистские и меньшевистские взгляды. По предположению автора, после июньской конференции 1905 г. произошло расширение влияния большевиков в руководящем органе Сибирского союза, что, возможно, способствовало переизбранию состава редакции его газеты. При этом в ее работах одновременно присутствовала характеристика союзного комитета как организации, подверженной сильному влиянию меньшевизма [38; 43].

Такую ситуацию М. В. Шиловский назвал стремлением «уложить новые данные фактического материала в старые концепционные схемы» [53, с. 77]. Он призвал пересмотреть общую оценку работы союзного комитета с целью корректировки утверждений о меньшевистском засилье в нем после конференции летом 1905 г. Ученый также не согласился с мнением о полной бездеятельности данного органа как руководящего центра сибирских социал-демократов, что представляется вполне логичным. Действительно, организация и проведение съездов, конференций, активная издательская деятельность свидетельствуют о неформальном существовании союзного комитета и выполнении им необходимых функций. Автор считал неправомерным «возлагать ответственность за все недостатки, упущения и просчеты в работе партийных организаций только на союзный комитет, который состоял из пяти человек, что было явно недостаточно для такого региона, как Сибирь, и не мог организовать координацию действий на местах» [52, с. 5, 6].

Выводы М. В. Шиловского в определенной мере подтверждали материалы монографии «Большевистская печать и ее роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири», так как в них прослеживался большевистский характер некоторых изданий рассматриваемого органа [5]. Однако целенаправленного пересмотра прежней концепции вопроса так и не последовало.

В историографии 1960-1980-х гг. не утратила актуальности проблема идейно-политической ориентации местных социал-демократических организаций Сибири. При этом общие оценки их комитетов в периоды кануна и подъема Первой российской революции, как правило, заимствовались из литературы прошлых лет [15; 16]. Однако, исследуя некоторые частные вопросы проблемы, ученые вносили в ее изучение определенные корректировки. Так, М. И. Матвееву удалось доказать, что после провала в марте 1904 г. подпольной типографии в Томске и ареста ряда большевиков местный партийный комитет не был захвачен меньшевиками, как это признавалось ранее, а продолжал оставаться на ленинских позициях [27, с. 108, 109]. Впрочем, изменения в трактовке тех или иных явлений вносились и в рамках рассматриваемого историографического периода. Например, в первом издании «Очерков истории Красноярской партийной организации» участие меньшевиков в работе газеты «Красноярский рабочий» преподносилось как «одна из форм осуществления левоблокнистской тактики, которую широко использовали большевистские организации России» [32, с. 99]. Во втором же издании данного труда уже ничего не говорилось о преднамеренном межфракционном блоке, а наоборот, указывалось на обострение разногласий между большевиками и меньшевиками в местном комитете в период наивысшего подъема революции, что и нашло свое отражение на страницах «Красноярского рабочего» [31, с. 68, 81]. Если учесть, что первое издание очерков вышло в 1960-х, а второе – в 1980-х гг., то нетрудно заметить, как менялось отношение к партийным компромиссам в процессе эволюции официальной идеологии от эпохи оттепели до времен застоя. К тому же следует заметить, что сам термин «левый блок» вряд ли уместен при характеристике объединенной социал-демократической организации города, которая не делилась на фракции.

Между тем подобные коррективы не повлияли на сложившуюся в советской историографии концепцию идейно-политической ориентации Сибирского союза РСДРП, который накануне Первой российской революции признавался организацией ленинского типа, а применительно к 1905 г. оценивался дифференцированно: Красноярский и Читинский партийные комитеты считались большевистскими, а Омский, Томский и Иркутский – меньшевистскими. Данная концепция была выдвинута во второй половине 1930-х – 1950-х гг. [16, с. 86], но на новом этапе историографии никем не оспаривалась.

Более сложным оказался процесс выявления идейной направленности местных организаций РСДРП Сибири в период отступления революции. Так, в работах, освещающих события 1905-1907 гг. в Тобольской

губернии, наряду с объективным отражением изучаемого вопроса, встречались серьезные ошибки. В данных исследованиях справедливо отмечалось, что в 1906 г. большевики прочно заняли руководящие позиции в социал-демократических организациях и группах Зауралья. При этом в Тюмени такое положение дел привело не только к идейному, но и к организационному размежеванию с меньшевиками, которые в дальнейшем так и не смогли наладить самостоятельную работу. Вместе с тем авторы неверно определяли идейную направленность Омского комитета РСДРП в 1906-1907 гг. Например, Д. И. Копылов считал, будто в это время курганские меньшевики в «своих раскольнических действиях находили поддержку в Омском областном комитете», а тюменские оппортунисты «потребовали выхода группы из состава Екатеринбургского комитета РСДРП и присоединения к Омской организации, так как там господствовали их единомышленники» [22, с. 175, 176]. Между тем на предшествующем этапе историографии было уже доказано, что Омск в 1906-1907 гг. являлся опорой сибирских большевиков.

В свою очередь, в «Очерках по истории Иркутской организации КПСС» приводились факты заметного влияния сторонников В. И. Ленина на местный комитет РСДРП летом 1907 г. [33, с. 94, 95], что противоречило устоявшемуся в прошлом мнению о безоговорочной победе меньшевиков в Иркутской организации в период отступления Первой российской революции. В 1970 г. М. В. Иванова, анализируя нелегальную периодическую печать Томского и Барнаульского комитетов РСДРП, пришла к выводу об усилении в них меньшевистского влияния в начале 1907 г. [13, с. 161, 162], а это опровергало тезис прежних лет об окончательной большевизации данных структур в указанное время.

Специальное исследование тактической и организационной деятельности социал-демократов Сибири периода отступления Первой российской революции началось в 1980-е гг. благодаря усилиям Л. И. Давыденко. По ее мнению, «большевистские тактические взгляды» победили на I Забайкальской и Западно-Сибирской районных, а также на Красноярской и Омской городских конференциях. «Типичный примиренческий характер» носили решения конференции Томского района, а меньшевистский – Иркутской и II Забайкальской районных конференций. Переплетение большевистских и меньшевистских позиций в документах этих форумов позволило Л. И. Давыденко сделать вывод о том, «что в изменившихся условиях революции стало ярче проявляться примиренчество» [11, с. 37, 38]. Однако это противоречило другим исследованиям тех лет, доказывающим упадок примиренческих настроений в конце революции [6, с. 104]. Видимо, учитывая данное обстоятельство, Л. И. Давыденко в своей диссертации приходит к несколько иному выводу: «Более, чем в 1905 г., заметна по агитационно-пропагандистским изданиям комитетов размежеванность большевизма с оппортунизмом, хотя организационная работа показывает по-прежнему сильные позиции примиренцев... Борьба с меньшевизмом в сибирских организациях в годы отступления революции шла преимущественно в их высшем звене – в комитетах РСДРП. Распространенное примиренчество и опасение раскола препятствовали большинству руководителей выносить разногласия на обсуждение партийной массы» [10, с. 15]. Схожие мысли содержались и в монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» [38, с. 278].

В 80-е гг. XX в. наметился новый, более дифференцированный подход к рассматриваемой проблеме, требующий в каждом отдельном случае выяснения конкретных обстоятельств внутривнутрипартийных отношений. Однако в целом работы завершающего этапа советской историографии дают представления о том, что Омский и Красноярский социал-демократические комитеты занимали в период отступления революции в основном большевистские позиции, Иркутский – меньшевистские, а в Томском и Читинском комитетах борьба между большевиками и меньшевиками проходила с переменным успехом. Не случайно в фундаментальной коллективной монографии «Борьба большевиков в Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций» высказывалась точка зрения о примерном равенстве противоборствующих сторон в Сибирском союзе РСДРП в 1906-1907 гг. [6, с. 109].

Причинам существования в социал-демократическом движении Сибири примиренчества, выраженного в организационном объединении большевиков с меньшевиками, пытались дать объяснение Н. В. Блинов, М. И. Матвеев, М. В. Шиловский [4, с. 205-208, 212; 27, с. 151, 152; 53, с. 79, 80]. Обобщая их выводы, Н. И. Кабацкий в своей монографии размышлял: «По сравнению с промышленными центрами России сибирский пролетариат отличался относительной малочисленностью и разобщенностью по обширной территории края. Недостаточная классовая зрелость определенной части рабочих, живучесть в ее среде мелкобуржуазных привычек и настроений не могли не сказаться на деятельности организаций РСДРП» [19, с. 27]. Кроме того, немаловажной причиной длительного существования объединенных организаций в регионе автор считал трудности их нелегальной работы, заключающиеся в нехватке опытных, теоретически подготовленных кадров, отсутствии систематических связей с центральными большевистскими органами партии, слабом руководстве с их стороны социал-демократическим движением за Уралом, непостоянстве состава местных комитетов. Вследствие этого, по мнению ученого, работники сибирского подполья не могли разобраться в сложной политической обстановке в стране и во внутривнутрипартийных разногласиях в рядах РСДРП.

Учет специфических условий деятельности местных социал-демократов способствовал выработке в общей массе литературы объективного отношения к роли личностей в революционном движении Сибири. Так, Я. М. Кофман, рассматривая вопрос о влиянии оппортунизма В. А. Гутовского на принятие июньской конференцией 1905 г. меньшевистских решений, пришел к выводу о том, что отход Сибирского союза РСДРП от большевистских позиций «стал вполне логичным завершением его внутреннего развития», а В. А. Гутовский умело воспользовался данным обстоятельством [23, с. 78-80]. В целом объективную оценку получила деятельность С. М. Кирова и В. В. Куйбышева в социал-демократических организациях Сибири, которая

на предыдущем этапе историографии умышленно преувеличивалась. Впрочем, окончательно преодолеть это наследие культа личности так и не удалось. В частности, Б. В. Кондриков в одной из публикаций отмечал активную работу С. М. Кирова в Томском партийном комитете на протяжении 1904 г. [21, с. 512]. Однако он, как выяснилось позднее, лишь в декабре этого года стал членом РСДРП [45, с. 58].

На завершающем этапе советской историографии ученые проявили заинтересованность не только к вопросам внутрипартийных отношений социал-демократов Сибири, но и их взаимодействию с другими политическими силами. Разоблачению местными большевиками классовой сущности эсеров и либералов, критике их программ в печати, на митингах, собраниях, диспутах был посвящен ряд статей. Вместе с тем благодаря историкам, специально исследующим деятельность представителей мелкобуржуазных течений региона, удалось выяснить и другую сторону межпартийных отношений периода 1905-1907 гг. Так, стало известно, что нередко общими усилиями социал-демократов и эсеров организовывались забастовки и демонстрации, велась агитационно-пропагандистская работа в деревнях и в воинских гарнизонах. Особенно большую эффективность, по утверждению авторов, имели совместные выступления их боевых дружин против черносотенцев. В некоторых случаях социал-демократы шли на компромиссы с эсерами по принципиальным тактическим вопросам. Как выявили исследователи, в 1907 г. состоялось организационное объединение военных групп обеих партий в масштабах Красноярска, а в Иркутске члены Партии социалистов-революционеров и РСДРП участвовали в создании Смешанного комитета рабочих, представлявшего собой единый профсоюзный центр пролетариев города. Однако это, как утверждали ученые, свидетельствовало не столько о силе первых, сколько о неосведомленности и недостаточной теоретической подготовке вторых. В целом по Сибири, по общему признанию историков, эсеровские организации уступали социал-демократическим по численности, сплоченности и степени влияния на массы, причем данный вывод распространяется и на период отступления революции, когда эсеры заметно активизировали свою деятельность. При этом тактика борьбы социал-революционеров отличалась присущей ей левизной в тех местностях региона, где комитеты РСДРП отстаивали большевистские позиции, и наоборот, где преобладало меньшевистское влияние, там эсеры охотно шли на компромиссы с либералами [1; 2; 20].

Все это гармонично вписывалось в общепринятую концепцию межпартийных отношений сторонников В. И. Ленина в дореволюционный период. Вопросы же деятельности большевиков Сибири по сплочению всех оппозиционных сил для борьбы с самодержавием широкого освещения не получили, так как в Советском государстве классовые компромиссы долгое время осуждались. Поэтому историкам даже в 80-е гг. XX в. было непросто перестроиться. Тем не менее в монографии Н. И. Кабацкого указывалось, что социал-демократы региона поддерживали антиправительственные действия либералов в учительской, почтово-телеграфной, железнодорожной и других профсоюзных организациях [19, с. 142]. В свою очередь, М. В. Шиловский считал участие одного из лидеров Сибирского областного союза Г. Н. Потанина в похоронах рабочего И. Е. Кононова, убитого во время демонстрации 1905 г. в Томске, следствием борьбы большевиков за организацию единых действий всего революционно-демократического лагеря [51, с. 146].

По сравнению с предшествующими этапами советской историографии в литературе 1960-1980-х гг. значительно активизировалось изучение основ внутрипартийной жизни социал-демократов региона. Наиболее подробно эти вопросы освещали исследования Я. М. Кофмана и Г. С. Тофоровой, раскрывавшие процесс борьбы за утверждение ленинских организационных принципов против меньшевистских взглядов на партийное строительство. Авторам удалось проследить эволюцию устава Сибирского союза РСДРП на съездах и конференциях 1905-1907 гг., показать, насколько практическая работа социал-демократов соответствовала его требованиям. Много внимания уделили ученые изучению структур партийных комитетов региона, выделению их общих и особенных элементов, анализу проходящих в них изменений в различных условиях классовой борьбы. В итоге исследователи пришли к выводу о том, что накануне и в период Первой российской революции комитеты РСДРП Сибири в основном придерживались большевистских организационных принципов, хотя в теоретических вопросах партийного строительства ими были допущены ошибки оппортунистического характера, выраженные главным образом в недооценке значения партийного съезда [24; 25; 46; 47].

Заключение

Историографический анализ развития темы данной статьи позволяет сформулировать следующие выводы. Начиная с XX съезда КПСС, историческая наука в центре страны и на местах стала развиваться в новых социально-политических условиях. Значительно укрепилась ее источниковая база, резко увеличилось количество квалифицированных специалистов, возросла роль университетов в развитии исследовательского процесса, появились координационные научные центры. Все это способствовало появлению в 1960-1980-х гг. новых трудов по истории местных партийных организаций, в том числе Сибири. В частности, усилиями сибирских исследователей были освещены такие вопросы политической культуры местных социал-демократов, как внутрипартийные и межпартийные отношения, организационные вопросы партийного строительства. Определяющее значение в этом процессе имела проблема идейно-политической ориентации Сибирского союза РСДРП.

В ходе исследования данной проблемы учеными 1960-1980-х гг. был предпринят новый методический подход. Принимая во внимание, что во многих печатных изданиях, документах съездов и конференций социал-демократов Сибири в той или иной мере переплетались большевистские и меньшевистские взгляды, авторы

пришли к выводу о необходимости определения идейно-политических позиций тех или иных организаций в каждом конкретном случае и в разные годы отдельно. Это позволило им, с одной стороны, избежать излишней категоричности в оценке идейной направленности партийных комитетов кануна и подъема Первой революции в России, а с другой – скорректировать существовавшую во второй половине 1930-х – 1950-х гг. концепцию большевизации Сибирского союза РСДРП в период спада классовой борьбы. Формированию такого подхода способствовал анализ сущности господствовавшего в сибирском социал-демократическом движении примиренчества. При этом историкам удалось выявить причины данного явления, что способствовало преодолению субъективизма и схематизма многих работ предыдущего этапа историографии.

Данные сдвиги в методике исследований объективно вели к решению проблемы идейной направленности союзного комитета сибирских социал-демократов. Однако общественно-политические процессы начавшейся перестройки требовали уже появления качественно новых трудов по истории КПСС, которые в прежних концептуальных, методологических и идеологических рамках создать было невозможно. После распада СССР и утраты марксизмом монополии в научной и общественной жизни исследователи обратились к истории народнических, буржуазных и монархических партий России, что предполагало глобальный пересмотр соответствующих проблем. Между тем пробелы историко-партийной науки достались в наследство современным ученым. Поэтому неразработанные проблемы истории Сибирского союза РСДРП не утратили перспективы в дальнейшем развитии темы.

Для более четкого определения идейных позиций той или иной организации данного союза необходимо тщательное обобщение всех известных случаев проявления большевистских, меньшевистских и примиренческих тенденций на конкретных этапах классовой борьбы. В пересмотре нуждается традиционная концепция о меньшевистском характере и бездеятельности союзного комитета после июня 1905 г., так как она не согласуется с документальными источниками. Проблема межпартийных отношений в Сибири является наименее разработанной в историографии Первой российской революции. Ученым предстоит выявить специфические особенности осуществления тактики «левого блока» в социально-политических условиях региона, выяснить новые формы его практического применения. Следует основательно изучить вопросы социал-демократической работы по сплочению всех оппозиционных политических сил в революционном движении 1905-1907 гг. Необходимо гораздо подробнее осветить историю съездов и конференций Сибирского союза РСДРП. В первую очередь это относится к его I съезду и III партийной конференции. Наконец, пора приступить к всестороннему монографическому обобщению рассматриваемых проблем с использованием новой документальной и методологической базы. Оптимальным решением данной задачи может стать создание специального систематизированного труда по политической культуре социал-демократов Сибири.

Список источников

1. Афанасьев А. Л. Военная работа эсеров в Восточной Сибири в период отступления революции 1905-1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905-1920 гг.): сборник статей / отв. ред. И. М. Разгон. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1982. С. 88-80.
2. Афанасьев А. Л. Деятельность эсеров в Восточной Сибири в период революции 1905-1907 гг. // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции: сборник статей / отв. ред. И. М. Разгон. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1977. С. 181-193.
3. Блинов Н. В. Историография рабочего класса дореволюционной Сибири: автореф. дисс. ... д. ист. н. Томск, 1975. 50 с.
4. Блинов Н. В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1972. 213 с.
5. Большевистская печать и ее роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири (1895-1917 гг.) / ред. В. М. Самосудов. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1984. 264 с.
6. Борьба большевиков в Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций (1894-1917 гг.) / под ред. Я. Р. Волина, В. М. Самосудова и др. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 287 с.
7. Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905-1907 гг. в России и советская историография. М.: Мысль, 1982. 240 с.
8. Горюшкин Л. М. Вопросы изучения Первой российской революции в Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1985. № 14. Серия истории, филологии и философии. Вып. 3. С. 15-20.
9. Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI - начало XX века). Новосибирск: Наука, 1984. 320 с.
10. Давыденко Л. И. Деятельность сибирских организаций РСДРП в период отступления революции 1905-1907 гг.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Томск, 1981. 23 с.
11. Давыденко Л. И. Позиции сибирских комитетов и групп РСДРП по некоторым организационным и тактическим вопросам в период отступления революции 1905-1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири: сборник статей / отв. ред. И. М. Разгон. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1982. С. 34-38.
12. Житенев В. С. Политическая культура: опыт формирования и проблемы. М.: Логос, 2010. 127 с.

13. Иванова М. В. Из истории нелегальной периодической печати западносибирских организаций РСДРП (1905-1907 гг.) // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: сборник научных трудов / ред. Н. С. Карташов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1970. Вып. 2. С. 161-166.
14. Иванова М. В. Первая нелегальная газета сибирских социал-демократов // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке: сборник статей / ред. В. С. Флеров. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1970. Вып. 6. С. 38-43.
15. Исачкин С. П. Отражение политической культуры социал-демократов Сибири 1901-1907 гг. в ранней советской литературе // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 37-41.
16. Исачкин С. П. Отражение политической культуры социал-демократов Сибирского союза в публикациях второй половины 1930-х - 1950-х гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 81-87.
17. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6-ти т. / гл. ред. П. Н. Поспелов. М.: Политиздат, 1965. Т. 1. 633 с.
18. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6-ти т. / гл. ред. П. Н. Поспелов. М.: Политиздат, 1966. Т. 2. 775 с.
19. Кабацкий Н. И. Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905-1907 годов. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1984. 240 с.
20. Казанцев М. И. Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905-1907 гг. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири (конец XIX века - 1918 г.): сборник статей / отв. ред. И. М. Разгон. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1976. С. 3-26.
21. Кондриков Б. В. Второй съезд РСДРП и работа социал-демократических организаций Западной Сибири среди солдат (1903-1904 гг.) // Второй съезд РСДРП и местные партийные организации России: материалы Научной конференции, посвященной 70-летию II съезда РСДРП / под общ. ред. Я. Р. Волина. Пермь: Книжное изд-во, 1973. С. 501-517.
22. Копылов Д. И. Социал-демократические организации Тобольской губернии в 1905-1907 гг. // Ученые записки Тюменского педагогического института. Тюмень, 1966. Т. 28. Вып. 5. С. 158-182.
23. Кофман Я. М. Из истории социал-демократических организаций Сибири накануне и в период Первой русской революции // Освещение социально-политического развития Сибири XIX-XX вв. в трудах историков: сборник статей / отв. ред. Б. М. Шейнфельд. Красноярск: Красноярский педагогический институт, 1980. С. 66-83.
24. Кофман Я. М. Ленинские организационные принципы в деятельности сибирских социал-демократических организаций накануне и в начале Первой русской революции // Вопросы организационного и тактического руководства партии большевиков в трех революциях: сборник научных трудов / отв. ред. Л. Т. Антонинов. М.: Московский педагогический институт, 1983. С. 3-22.
25. Кофман Я. М. Уставы сибирских организаций РСДРП в период революции 1905-1907 гг. // Революция 1905-1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: тезисы докладов Научной конференции, посвященной 80-летию революции 1905-1907 гг. в России / под общ. ред. В. М. Самосудова. Омск: Омский государственный педагогический институт, 1985. С. 17-20.
26. Малиновский В. В., Ольховский Е. Р. О деятельности Проблемного совета по теме «В. И. Ленин и местные партийные организации (1894-1917 гг.)» // Вопросы истории КПСС. 1976. № 8. С. 150-153.
27. Матвеев М. И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1966. 240 с.
28. Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1966. 304 с.
29. О 80-летию революции 1905-1907 годов в России: Постановление ЦК КПСС // Коммунист. 1985. № 2. С. 3-6.
30. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5-ти т. / под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Алпатова и др. М.: Наука, 1985. Т. 5. 608 с.
31. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 1895-1980 / гл. ред. Н. П. Силков. Изд-е 2-е. Красноярск: Книжное изд-во, 1982. 599 с.
32. Очерки истории Красноярской партийной организации: в 2-х т. / гл. ред. В. П. Сафронов. Красноярск: Книжное изд-во, 1967. Т. 1. 406 с.
33. Очерки по истории Иркутской организации КПСС: в 2-х ч. / ред.-сост. С. А. Меркурьев, А. Я. Шапранова. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1966. Ч. 1. 382 с.
34. Пивоваров Ю. С. Политическая культура: методологический аспект. М.: Астрель, 2014. 109 с.
35. Политическая культура: учебное пособие / под общ. ред. Г. Л. Тульчинского. М.: Юрайт, 2020. 324 с.
36. Правда. 1964. 16 октября.
37. Правда. 1987. 19 апреля.
38. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / отв. ред. Н. В. Блинов. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.
39. Революционное движение в Тобольской губернии в 1905-1914 гг.: сборник документальных материалов / сост. А. Б. Гамбаров, Л. М. Горячева, А. И. Ефимов и др. Тюмень: Книжное изд-во, 1961. 312 с.
40. Революционные события на Алтае в 1905-1907 гг.: сборник документов / сост. П. А. Бородкин, Р. С. Скворцов, В. С. Усатых. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1967. 207 с.
41. Рождение большевизма: реферативный сборник / отв. ред. А. А. Твердохлеб. М.: ИНИОН, 1983. 224 с.
42. Спирин Л. М. О некоторых вопросах разработки теоретических и методологических проблем историографии истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1979. № 1. С. 106-115.
43. Терюшков Г. А. Большевики во главе профессионального движения Восточной Сибири в период Первой русской революции. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. 124 с.

44. Тихонова В. А. Политическая культура российского общества: социально-философский аспект. М.: Московский государственный университет культуры и искусств, 2001. 186 с.
45. Тофорова Г. С. Из истории Томской организации РСДРП накануне Первой русской революции // Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке (1903-1917 гг.): сборник статей / под ред. А. Т. Коняева. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1980. С. 42-59.
46. Тофорова Г. С. К вопросу об утверждении принципа демократического централизма в социал-демократическом движении Сибири (начало XX в.) // Книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и местные партийные организации: тезисы докладов Научной конференции / под ред. М. Г. Суслова. Пермь: Книжное изд-во, 1984. С. 75-77.
47. Тофорова Г. С. Революционная деятельность и организационное укрепление западносибирских организаций РСДРП накануне и в годы Первой русской революции: автореф. дисс. ... к. ист. н. Пермь, 1976. 18 с.
48. Тульчинский Г. Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2015. 176 с.
49. Центральные большевистские газеты 1905 года о Сибири: сборник документов и материалов / под ред. Д. М. Зольникова. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 191 с.
50. Чиковани А. Ю. Большевистская партия в революции 1905-1907 гг. (некоторые вопросы новейшей историографии) // Вопросы истории КПСС. 1985. № 1. С. 89-100.
51. Шиловский М. В. Использование большевиками Сибири объединений и собраний городской и сельской интеллигенции для усиления работы в массах в 1905 г. // Город и деревня Сибири в дооктябрьский период: сборник научных трудов / отв. ред. А. Н. Миненко. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1984. С. 142-149.
52. Шиловский М. В. Оценка роли союзного комитета Сибирского союза РСДРП в революции 1905-1907 гг. в советской исторической литературе // Революция 1905-1907 годов на Урале и в Сибири: сборник научных трудов / отв. ред. Д. И. Копылов. Тюмень: ТГУ, 1983. С. 3-6.
53. Шиловский М. В. Первая русская революция в Сибири (к историографии проблемы): учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1983. 90 с.
54. Шорников М. М. Развитие историко-партийных исследований в Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы: сборник статей / отв. ред. Р. С. Василевский. Новосибирск: Наука, 1984. С. 215-223.
55. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX - первая треть XX в.). Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета; ИД «Наука», 2008. 611 с.

Информация об авторах | Author information

Исачкин Сергей Павлович¹, д. ист. н., доц.

¹ Омский государственный университет путей сообщения

Isachkin Sergei Pavlovich¹, Dr

¹ Omsk State Transport University

¹ isachkinomsk@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): советская историография; Сибирский союз РСДРП; идейные позиции; организационные принципы; межпартийные отношения; Soviet historiography; Siberian branch of the Russian Social Democratic Labour Party; ideological positions; organizational principles; interparty relations.